

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПИСАТЕЛИ
СИМВОЛИСТСКОГО
КРУГА**

Новые материалы

С.-ПЕТЕРБУРГ
2003

В книге представлены неизданные архивные материалы, относящиеся к истории русского символизма и освещающие деятельность поэтов и писателей второго и третьего ряда — И. Коневского, В. Гофмана, Элліса (Л. Л. Кобылинского), Н. Минского, Вл. Гиппиуса, Ан. Чеботаревской, Г. Чулкова и др. Вступительные статьи и комментарии основываются на новых архивных и библиографических разысканиях, связанных с изучением жизни и творчества этих писателей, их биографических и литературных контактов и их места в литературном процессе эпохи. Публикуемые материалы (письма, дневниковые и мемуарные записи, художественные опыты в разных жанрах) охватывают всю историю символизма от 1890-х до 1930-х годов.

Редакционная коллегия:

В. Н. Быстров, Н. Ю. Грякалова, А. В. Лавров

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
гранты № 96-04-06181 и № 02-04-16076д*

ПИСЬМА ЭЛЛИСА К ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Предисловие, публикация и комментарий *Н. А. Богомолова*

Публикуемые два письма Элліса к Вяч. Иванову относятся к весьма напряженному моменту в истории русского символизма. Только что в московском «Обществе свободной эстетики» Иванов произнес доклад, ставший основой будущей статьи «Заветы символизма», потом повторил его в «Обществе ревнителей художественного слова», причем как сам этот доклад, так и последовавшее обсуждение и сопроводивший его доклад А. Блока (в печатном виде озаглавленный «О современном состоянии русского символизма») стали симптомом очевидного кризиса символизма. Отчасти об этом кризисе свидетельствуют и два публикуемых письма Элліса, написанных в состоянии сильнейшего нервного возбуждения.

Непосредственным поводом для этих писем послужили выступления журнала «Аполлон», затрагивавшие мистические и литературные интересы Элліса. Сперва, рецензируя девятый номер «Весов», Н. Гумилев задел его самого (см. подробнее в примечаниях ко второму письму). В шестом номере «Аполлона» резко критически было оценено творчество Н. К. Метнера, брата и любимого музыканта руководителя только что возникшего издательства «Мусагет» Э. К. Метнера, и это не могло не вызвать бурной реакции сотрудников «Мусагета», где Элліс занимал одно из ведущих мест. В седьмом же (апрельском) номере появились сразу две публикации, привлечшие его внимание. Это статья Г. И. Чулкова «Весы», вызвавшая бурную реакцию сотрудников прекратившегося журнала,¹ в том числе Элліса, а также ряд рецензий в разделе «Письма о русской поэзии» — прежде всего М. Кузмина и Вяч. Иванова на первую книгу стихов М. Волошина и отзыв Иванова о «Жемчугах» Н. Гумилева.

Создание нового литературного журнала, ориентированного на символизм, не могло не стать для «москвичей», только что переживших закрытие «Весов» и «Золотого Руна», симптомом переоценки ценностей в современном литературном процессе. Это обострялось тем, что, при всей своей широте, «Аполлон» все же достаточ-

но недвусмысленно ориентировался на те тенденции, которые могли быть обозначены достаточно неопределенными терминами «аполлонизм» или «кларизм». Как бы ни настаивал С. Маковский, редактор нового журнала, на своей вкусовой широте, все же круг постоянных авторов первого года не мог не свидетельствовать об определенной тенденции, которую сам же Маковский так определил в получастном-полуделовом письме: «...положа руку на сердце, разве журнал хуже оттого, что в нем нет „идеологии“? Кому нужны эти русские вещания, эти доморощенные рацеи интеллигентского направления? Разве искусство, хорошее, подлинное искусство, само по себе — не достаточно *объединяющая* идея для журнала? Символизм, неореализм, кларизм и т. д. — все эти французско-нижегородские жупелы, право же, приелись и публике, и нам, писателям. Вкус, выбор, общий тон — вот что создает „физиономию“, о которой так беспокоится Вяч. Иванов».² Именно в силу подобного отношения литературно-полемически и мистически активные бывшие сотрудники «Весов» и «Золотого Руна», которым теперь не находилось места в новом журнале, не могли не испытывать сильнейшей неприязни к «Аполлону».

Без сомнения, наиболее значительными фигурами такого рода являлись Андрей Белый и Эллис. Белый в последний год был фактическим руководителем и идеологом «Весов», а Эллис — регулярным полемистом с мистическим оттенком. И оба они оказались вне авторов «Аполлона», причем о Белом Маковский специально и довольно подробно писал Вяч. Иванову еще в самом начале 1910 г.³ Эллис же, судя по всему, вообще не рассматривался кругом «Аполлона» как сколько-нибудь перспективный автор, и это не могло не раздражать амбициозного поэта, прозаика и полемиста.

Конечно, он был неправ, говоря Иванову: «Командиром *фактически* в „Аполлоне“ являетесь Вы». Роль Иванова в «Аполлоне» менялась, однако, пожалуй, ни в какой момент ее нельзя назвать ведущей. Лишь на протяжении нескольких кратких эпизодов он становился активным сотрудником журнала, после чего неизменно от него отходил. Однако именно в тот момент, к которому относятся письма, создавалась иллюзия, что Иванов может быть рассмотрен в качестве литературной доминанты «Аполлона». В пятом номере был напечатан его веночек сонетов, в седьмом (о котором прежде всего и идет речь) — две большие рецензии: сводная на сборники М. Волошина, Н. Гумилева и А. Герцык, а также о прозе М. Кузмина. Восьмой же номер (который, конечно, к тому времени еще не появился и вряд ли даже был сколько-нибудь приготовлен) открывался статьей «Заветы символизма». И, вероятно, Иванов мог видеть себя тогда если не полновластным хозяином, то, во всяком случае, одним из тех, кто при желании может определять литературную линию журнала. Другое дело, что этого желания у него или вообще не возникало, или оно по каким-либо причинам не реализовывалось.⁴ Но, судя по всему, в мартовских московских беседах у Эллиса сложилось именно такое впечатление, и потому он возлагает на Иванова ответственность за всю литера-

турную и идеологическую линию «Аполлона», которую тот нести, естественно, не может.

Вместе с тем существовали и личные причины для ссоры. Во времена полемики вокруг «мистического анархизма» Эллис не просто был одним из главных полемистов. Белый вспоминал: «...петербуржцы, провозгласивши Иванова руководителем судеб символизма и выдвигая везде А. А. Блока не только полемики ради, но подчас и в пику нам, москвичам, — уже тем самым вызывали в неугомоннейшем Эллисе желание объявить всем-всем-всем беспощадную брань. Эллис лично едва выносил В. Иванова...»⁵ Однако в начале 1909 г. произошло примирение Иванова с Андреем Белым при посредстве А. Р. Минцловой; осенью 1909 г. Минцлова усиленно пытается создать розенкрейцерскую ложу, руководить которой должны были Иванов и Белый, а наиболее активными членами предполагались сотрудники издательства «Мусагет» за исключением Эллиса. Позже Белый вспоминал об этом так: «...не помню течения совершенно безумного разговора; но — вот его смысл: розенкрейцеры разделились в две ветви; „восточные братья“ — экзотерический отпрыск течения, в котором созрели исконные (Кунрат, ван-Гельмонт и прочие): линия, так сказать, — в катакомбу ушла; а вот „восточные братья“ и были действительные вдохновители Новикова; но изменилось время; и старшая линия, прежде чем в землю уйти, дает отпрыск, чтобы излить благодать на свободную организацию из людей, образующих Грааль, ч а ш у; события будущего апеллируют к возрождению нового розенкрейцества, лишь освещенного <так!> силами старого; новое рыцарство — возникает; в России сосуд — должен быть, *sui generis* ложа; и нужно, чтобы в Москве, в Петербурге нашлись два лица, группирующих тех, кто себя свяжут братски, чтоб стать под знамена — духовного света <...> в Петербурге лицо уже есть; двое мы вместе с Минцловой образуем естественный треугольник для построения храма рыцарства; около двух соберутся кружки; Минцлова будет органом сношения с посвященными братьями; ее миссия передать нечто важное — от старинных традиций:

— Послушайте, — перебила себя, — я прошу об одном: пусть в кружке, вами собранном к осени (осенью буду в Москве я) не будет Лев Львович: я Эллиса очень люблю; но он — медиум: проходной двор для темных...»⁶

Эллис, естественно, не мог не чувствовать себя обойденным. Сам считавший себя энтузиастом мистического рыцарства, он вдруг оказался в стороне от предприятия, решительно поддержанного Андреем Белым. Поссориться с Белым, видимо, было выше его сил, да и «Мусагет», плативший деньги, привлекал. Отношения же с Ивановым были как раз тем пунктом, где можно было отыграться. Однако произошло это не сразу.

Белый вспоминал: «В последние дни моего петербургского пребывания у нас с В. И. крепла мысль вместе ехать в Москву: и отпраздновать вступление его в „Мусагет“: в „Мусагете“ же <...> Остановился В. И. в помещении редакции „Мусагета“; принимал

и знакомился ближе с кружком „*Musageta*“ <...> чествовали его в „Праге“; и собирались с ним у меня, у К. П. Христофоровой; Эллис теперь примирился с Ивановым».⁷

Визит этот А. В. Лавров датирует «после 7 марта 1910».⁸ У нас есть возможность назвать более точную дату. 10 марта Е. К. Герцык писала В. К. Шварсалон: «Вячеслав с вокзала приехал к нам, и день мы провели вместе с Берд<яевым> и Белым. Ночевать уехали, к<а>к мы ни просили его остаться у нас, в „Мусагет“».⁹

В «берлинской редакции» воспоминаний «Начало века» Белый рассказал о визите Иванова подробнее: «Чествовали мы Иванова в „Праге“: на чествовании был „Мусагет“ в своем полном составе, Рачинский, Бердяев (как помнится), Ф. А. Степун, Шпетт, был Эллис, с Ивановым помирившийся: разочарование в „Скорпионе“ и в лидере — Брюсове, устремление к оккультизму сближало естественно Эллиса с автором удивительного „*Rosarium*“...»

Все, что скопилось во мне, как усталость, досада и боль, — проявилось на вечере у К. П. Христофоровой — бурным, совсем неожиданным „взрывом“, в котором сказался протест против Минцловой; и против „сказок“ ее. Дело было в незначащем споре, возникшем меж мной и Рачинским о Гете, натурфилософии; помнится, я как естественник стал защищать правомерность науки как метода: и утверждать, что слиянье науки и жизни не в жалких, наукой изжитых, натурфилософских путях; тут вмешался Иванов; и видом своим он подчеркивал мне:

— Как же можешь ты так говорить, когда ты — против Гете, а Гете ведь...

Я видел, что Минцлова видом своим подтверждает упреки Иванова; тут я сорвался: пошел, и пошел, и пошел — вплоть до выкриков, ясно колеблющих трио (Иванов, я, Минцлова); с Минцловой, кажется, что-то подобное истерическому припадку случилось; Иванов вполне неприятно покрикивал; бедный Рачинский не знал, в чем „соль“ ссоры; а „соль“ ее — в ноте отказа от „сказок“ и в ноте неверия Минцловой; выскочил из-за стола; и — пустился бежать; Христофорова, быстро поймавши в передней меня, прошептала:

— Вполне понимаю я вас....

Через несколько дней с ней случилось подобное нечто: такой же протест против Минцловой, кончившийся расхождением полным недавних „сестер“: Христофорова с горькою болью наткнулась на следствия путаницы отношений, которых причиной была — та же Минцлова; скоро в Москве обнаружили всюду следствия странных весьма раздвоений сознания ее.

Мой протест всполошил В. Иванова, Минцлову, Г. А. Рачинского; мне говорили: сидели они до утра у К. П. Христофоровой; утром Иванов отправился от Христофоровой к Эллису в „Дон“; и возникла беседа меж Эллисом и Нилендером, провожавшим Иванова до Девичьего Монастыря; простояв литургию, отправился он, свеж и бодр, принимать посетителей.

С Минцловой, с ним помирили меня в те же дни; но, но, но... — окончательно надорвалась во мне нота доверия к сказке о „Рыцарях“, где-то тайных А. Р. И она — поняла». ¹⁰

17 марта Иванов читает свой доклад в «Свободной эстетике», вступая в резкую полемику с Брюсовым. На его стороне в этом споре оказывается Эллис. ¹¹ Вскоре Иванов возвращается в Петербург, где попадает в обычный круговорот событий: делает доклад в «Обществе ревнителей художественного слова», ведет напряженные беседы с Блоком по поводу этого доклада и сопровождавшего его блоковского выступления, переживает бурный всплеск эмоций А. Р. Минцловой ¹² и вслед за этим отказ Белого от совместной розенкрейцерской активности, готовит «Заветы символизма» к печати и, видимо, не подозревает, что появившиеся в апрельском номере «Аполлона» его рецензии могут вызвать такое бешенство у Эллиса.

Судя по всему, отчасти были правы Белый и Г. Рачинский (письма которых мы цитируем ниже), перелагая часть вины на особенности нервной организации Эллиса. Все, что мы об этом знаем, свидетельствует о том, что он действительно регулярно оказывался на грани нервного срыва, если не сказать большего. ¹³ Но не только в этом дело: здесь совершенно явно соединились причины личные и литературные, и потому два письма Эллиса являются не просто свидетельствами его мучительных кризисов, но и складывавшейся в первой половине 1910 г. расстановки сил внутри русского символизма.

Хотелось бы отметить, что подобного рода эмоциональные всплески в отношениях между Вяч. Ивановым и «московскими» символистами бывали и позднее. Так, в нашем контексте имеет смысл привести фрагмент из письма Белого к Иванову, относящийся, по всей видимости, к январю 1913 г.: «Впрочем, жаль, что мы, „символисты“, дробимся: Ты нас с Эллисом, кажется, уже вычеркнул из списка *символистов*; я продолжаю думать, что я *символист*; но посмотри: Гумилевы громят символизм, В. Иванов заподозривает символизм символиста Белого, сам оказываясь между „Аполлоном“ и „Теософией“. А А. Белому может сказаться, что В. Иванов из преувеличенной боязни впустить в частичку своей программы смутности *беловской* теософии, что В. Иванов готов лучше соединиться со Степпуном и Гумилевым, чем допустить, что у Доктора Штейнера может найтись хоть одно место, которое бы сближало его „*человеческую мудрость*“ (антропософию) с канонами Символизма». ¹⁴

О поведении Эллиса после отправки писем А. Р. Минцлова сообщила Иванову 24 мая: «Затем еще одно: о письмах Эллиса знали *все* в Москве, Петровский с первых слов, на вокзале, заговорил со мной об этом — Эллис *не* показывал своих писем, но, отослав, сообщал всем об их содержании, <так> что я себя сочла вполне вправе о них говорить». ¹⁵ Таким образом, его просьба о соблюдении конфиденциальности была им же самим и нарушена, и по крайней мере дважды Иванов получал извинительные письма от сотрудников «Мусагета». В недатированном письме Андрей Белый писал ему:

«Дорогой, милый Вячеслав. Ради Бога, прости Эллиса; я только вчера узнал, что этот сумасшедший человек, нервнорасстроен-

ный сейчас и бомбардирующий меня ругательными письмами, и Тебе написал письмо в припадке какого-то запойного неистовства. У пьяницы бывает запой; у Эллиса раз в шесть месяцев (обыкновенно весной) случается нервный припадок; что же мне делать; сейчас он и меня осыпает оскорблениями, кричит, что „Голубь“ есть некультурное явление, безобразие; что с ним делать?

Милый, умоляю Тебя, не соедини неистовство Эллиса с нашим (моим в особенности) уважением и любовью к Тебе.

Думаю, что Ты поймешь и сам: „Мусагет“ не при чем в этих письмах». ¹⁶

А в письме от 22 мая за поведение Эллиса извинялся Г. А. Рачинский: «Слышал о Вашей переписке с Эллисом. Мое мнение: Лева — дурак! Говорить подробнее считаю скучным и бесполезным». ¹⁷

Однако и далее конфликт Эллиса с Ивановым не был исчерпан. Так, 19 февраля следующего, 1911 г., Э. К. Метнер сообщал Андрею Белому: «Эллис просто с ума сошел и, в сущности, он уже вышел из „Мусагета“. <...> Вот список правонарушений Эллиса за последнее время: 1) Он явился причиной нелепой, хотя и лестной статьи Волошина в „Аполлоне“ о „Мусагете“, кот<орый> будто бы склоняется к штейнерянству и католицизму. На эту статью мне пришлось возражать. <...> 6) На прошлой среде (кот<орой> я не посетил, т. к. лежал больной) читали стихи Вячеслав и Эллис. Вячеслав похвалил Эллиса; тогда Эллис иронически его поблагодарил и затем сказал: „А Ваши стихи мне совсем не нравятся; они риторичны и неискренни“. Вячеслав обиделся, и только его сдержанность предупредила новый скандал в „Мусагете“, виновником которого явился бы все тот же Эллис. 7) Наконец, Эллис не только не принял моего выговора за нетактичность и нарушение гостеприимства в отношении к Вячеславу, но вдобавок написал мне письмо в тоне ультиматума, где заявил, что не отдаст „своего“ *Парсифаля* под марку *Орфея*, если в проспекте об *Орфее* будет статья „рыжего“, который „нечестивыми руками своими лезет к чаше Грааля“. — Теперь Эллис всюду говорит, что „Мусагет“ ищет внешнего успеха и потому аннексировал Блока и Вячеслава и что это не направление, а просто беспринципный оппортунизм. Согласитесь, что Эллис просто сошел с ума». ¹⁸

Письма Эллиса печатаются по автографам (РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 58). Первое письмо написано чернилами, второе карандашом. Фрагмент второго письма цитировался в комментарии Р. Д. Тименчика к упоминаемой в примечаниях рецензии Н. Гумилева (Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 268—269). Два письма Эллиса к Вяч. Иванову 1936 г. недавно опубликованы: Письма Эллиса к Дмитрию Мережковскому и Вячеславу Иванову / Вступ. статья и коммент. Ф. Полякова; Подгот. текста А. Шишкина // Русско-итальянский архив. II / Сост. Данила Рицци и Андрей Шишкин. Салерно, 2002. С. 141—167.

¹ Подробное обсуждение вопроса о статье Г. И. Чулкова и реакции на нее см.: Переписка <Брюсова> с Вячеславом Ивановым / Предисловие

и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 526—530.

² Письмо С. К. Маковского к Е. А. Зноско-Боровскому от 3 февраля 1910. Цит. по: Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским / Подгот. текста Н. А. Богомолова и С. С. Гречишкина, вступ. статья Н. А. Богомолова, коммент. Н. А. Богомолова и О. А. Кузнецовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 155.

³ См.: Там же. С. 143.

⁴ Кажется, была не очень точной догадка А. А. Ахматовой о расхождении Гумилева и Вяч. Иванова: «АА предполагает — даже не предполагает, а спрашивает себя — не потому ли началась враждебность В. Иванова, что он был отстранен от „Аполлона“? АА не знает, в какой форме это было. Но в какой форме может быть вообще человеку, приглашенному вначале, объявлено о том, что теперь будут обходиться без него?» (Лукницкий П. Н. Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926—1927. Париж; М., 1997. С. 23). Но в любом случае это не могло произойти до середины 1910 г.

⁵ Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания, статьи, дневники, речи. М., 1997. С. 274.

⁶ Белый Андрей. Начало века (берлинская редакция) // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 73—74. В воспоминаниях о Блоке Белый передал эти слова несколько иначе: «...одна теософская дама так выразилась об Эллисе: „Проходной двор для темных, где светлые все — позадержаны темным проходом“» (Белый Андрей. О Блоке. С. 332).

⁷ Белый Андрей. О Блоке. С. 356.

⁸ Там же. С. 559.

⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 6. Л. 20.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 124. Ср. также: Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 351.

¹¹ См. запись в дневнике Брюсова: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом В. И. читал в „Эстетике“ доклад о символизме. Его основная мысль, что искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За В. И. стояли Белый и Эллис. Расстались с В. И. холодно» (Брюсов Валерий. Дневники 1891—1910. М., 1927. С. 142. Текст исправлен по автографу). Отметим, что не только доклад Иванова вызвал у Эллиса положительную реакцию, но и чуть более поздний доклад Блока «О современном состоянии русского символизма» (подробнее см.: Письма Эллиса к Блоку (1907) / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92, кн. 2. С. 278—279).

¹² Подробнее см.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 97—102.

¹³ Особо выразительный портрет Эллиса см.: Валентинов Н. Два года с символистами. Stanford, 1969. С. 150—171.

¹⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 29. Л. 67, 69.

¹⁵ Там же. Карт. 31. Ед. хр. 5. Л. 19 об.

¹⁶ Там же. Карт. 12. Ед. хр. 29. Л. 20—20 об.

¹⁷ Там же. Карт. 33. Ед. хр. 44. Л. 4. Отметим характерное начало письма: «Дорогой Вячеслав Иванович! Сейчас вернулся домой от Анны Рудольфовны: в немногих сказанных ею мне словах привета от Вас я почувствовал такую любовь ко мне и дружбу, что хочется хоть на бумаге обнять Вас и крепко, крепко поцеловать». Тень А. Р. Минцловой продолжает витать над инцидентом.

¹⁸ РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Л. 5—5 об. Копия — Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 21.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Прочитав последние №№ «Аполлона», считаю своим долгом определенно высказать Вам, что бесповоротно убедился в существовании бесконечно-широкой пропасти между Вами и всем для меня абсолютно заветным.

С точки зрения литературной этики Вы правы, с точки зрения иной я ничего не понимаю и ничего не хочу понимать.

Только *не* верю, что Вы в восхищении от мальчишеских виршей Гумилева и от «окультизма» М. Волошина.¹

То, что Вы написали о Гумилеве (о ритуальном ударе мечом²), я посовестился бы написать о Р. Вагнере. Поймите меня! Не осуждаю Вас, ибо сами себя скоро осудите!

Нельзя, по-моему, быть литератором и рыцарем Христа. За последнего считал я Вас, за первого считаю впредь.

Уважающ<ий> Эллис.

¹ Речь идет о незаглавленной рецензии Вяч. Иванова в разделе «Письма о русской поэзии» седьмого (апрельского) номера «Аполлона» за 1910 г. Эта рецензия состояла из трех разделов, посвященных «Стихотворениям» М. Волошина, «Жемчугам» Н. Гумилева и «Стихотворениям» А. Герцык. В полемическом задоре Эллис явно искажает взгляды Иванова на поэзию Волошина. Отчасти это связано с тем, что его рецензии предшествовала (также лишенная заглавия) рецензия М. Кузмина на сборник Волошина, где и говорилось, причем неоднократно, об оккультизме его стихов, впрочем, с характерной оговоркой: «К сожалению, мы недостаточно осведомлены в тайных науках, чтобы судить, насколько глубок оккультизм Максимилиана Волошина» (Аполлон. 1910. № 7. С. 37. 2-я pag.). Иванов же нигде не употребляет слова «оккультизм», хотя и говорит: «Живопись учила его видеть природу, книги о тайном знании — ее слышать...» (Там же. С. 38), и, более того, пишет вполне определенно: «...не должно желать, чтобы она <книга> влияла на творчество молодых наших поэтов. <...> Его <Волошина> вкус не безупречен, а общее тяготение его поэзии — не жизненно» (Там же).

² Имеется в виду фраза Иванова: «Поистине, из стольких схваток и приключений вышел с честью юный оруженосец, которого рыцарь посылал на ответственные и самостоятельные предприятия, что кажется заслужившим принять от него ритуальный удар мечом по плечу, обязывающий к началу нового и уже независимого служения» (Там же. С. 41). Отметим, что и сам Гумилев обратил особое внимание на эти строки, когда писал Брюсову: «„Жемчуга“ вышли. Вячеслав Иванович в своей рецензии о них в „Аполлоне“, называя меня Вашим оруженосцем, говорит, что этой книгой я заслужил от Вас ритуальный удар меча по плечу, посвящающий меня в рыцари. <...> Не знаю, сочтете ли Вы меня достойным посвящения в рыцари, но мне было бы важно услышать от Вас несколько напутственных слов...» (Письмо от 21 апреля 1910 // Ли-

<Штемпель 17. 5. 10>
конфиденциально

Уважаемый Вячеслав Иванович!

Повторяю: формально Вы абсолютно правы и сейчас, так же, как и тогда, когда восхищались статьями Чулкова о «мист<ическом> анархизме». ¹ Это свободное дело Вашей завидной склонности к умилению. Конечно, я много мог бы возразить по поводу возможности к стихам Волошина, где надерганы из «Теософского сборника» бессистемно и бессмысленно оккультные термины, много сказал бы о смехотворности присоединения к В<олошину> высокого названия «оккультист», много мог бы я сказать о двусмысленности Ваш<его> отношения к рыцарству Гумилева, о полном несогласии сказанного Вами о «кларизме» в Мусагет<е> и написанного в «Аполлоне», усматривая в этом двойное предательство и нас и Гумилева. ² Конечно, для меня шуточки с ритуалом посвящения в рыцари (в статье Вы не оговорили, что не имеете в виду мистич<еского> ритуала! ³) — достаточное основание для абсолютной враждебности.

Но этого мало!

По существу, Вы не можете не знать, что «Аполлон» систематически обливает грязью все наши святыни.

Сперва он не пригласил даже в сотрудники А. Белого, цвет нашей литературы. ⁴ Потом он облил грязью Н. К. Меттнера <так!>, к<ото>рый для нас всех — бесконечно ценен в последнем. ⁵

Затем в статье Чулкова о «Весах» не было даже упомянуто имя А. Белого, органом к<оторо>го «Весы» были, в сущности, 2, 3 года. ⁶

Мало того. Брюсов уже заявил нам о своей абсолютно враждебной статье о «Символизме» А. Белого для «Аполлона». ⁷ Умалчиваю уж о неприличных выпадах «А<поллона>» ко мне лично, ибо здесь я был бы пристрастен. ⁸ Итак ясно, что «Мусагет» и «Аполлон» — два враждебных крейсера, готовых открыть канонаду.

Что же оказывается?

Командиром *фактически* в «А<поллоне>» являетесь Вы. Все это знают. Вы же стремитесь взять роль командира и в «Мусагете». ⁹ Будь я уверен в Вашей искренности (это и было), я сам первый готов был бы стать под команду лица б<олее> опытного и сильного. *Я даже многое делал для этого.* ¹⁰ Но теперь, когда Вы доказали, что нельзя полагаться ни на одно Ваше слово, когда Вы

хитро дипломатизируете между «Аполлоном», «Скорпионом», Брюсовым в то время, когда все дело в великой и беспощадной борьбе за *рыцарство*, когда Вы термины последнего применяете к Гумилеву, к <ото>рый Венеру смешивает с Мадонной,¹¹ я заявляю, что Вы — неблагородны до конца. Вычеркните меня из числа друзей и впишите в число активных и абсолютных врагов. В пределах «Муссагета» буду все силы направлять против Вас.

Нельзя игриво шутить священными и последними вещами, а весь Вы — *только игра*.

Вы не можете не понимать, что Вы являетесь единственной опорой и организующей силой Петербургской литературной немочи, организуя ее себе же на голову, как себе же на голову организовали уже раз «м<истических> анархистов».

В чем тут загадка, не знаю. Не могу заподозрить Вас в сознательной нечестности, но *не** верю Вам!

Страшная Ваша двойственность довела меня до того, что я лежу вторые сутки в постели и чувствую, как из сердца вырывают клещами что-то бесконечно дорогое, почти святое.

Я привязался к Вам всей душой.

Впечатление Ваших статей было удручающим для всех членов «Муссагета» без исключения. Разве это не есть косвенная проверка?

Равным образом и «Жемчуга» Гумилева произвели смехотворное впечатление решительно на всех. Вы — первый и единственный их поклонник. Но это не сущность дела!

Сущность в том, что я всегда верил формуле: «Все или ничего» и должен применить к нашим отношениям вторую ее часть.

Косвенным образом я должен буду заявить и А<нне> Р<удольфовне> М<инцловой>,¹² что вера ее в Вас — служит причиной недоверия моего к ней. Если она примирится с Вашей «шутливой метафорой», то я с ней все разорву.

Итак, всякие наши отношения кончены!

Прошу лишь одного: никому** этого письма не показывать, ибо оно касается исключительно Вас и меня.

Элис.

¹ Имеется в виду предисловие Иванова к отдельно изданной брошюре: Чулков Георгий. О мистическом анархизме / Со вступительной статьей Вячеслава Иванова «О неприятии мира». СПб., 1906.

² «Кларизм» — термин, изобретенный Вяч. Ивановым (см.: Иванов Вяч. Собр. соч. Брюсель, 1974. Т. II. С. 785) и печатно использованный М. Кузминым в известной статье «О прекрасной ясности» (Аполлон. 1910. № 4). На некоторое время он сделался популярным в кругу символистов и близких к ним авторов. Так, Брюсов писал П. П. Перцову 23 марта 1910 г.: «В нашем кругу, у ех-декадентов, великий раскол: борьба „кларистов“ с „мистиками“. Кларисты — это „Аполлон“, Кузьмин <так!>, Маковский и др.» (Десять писем Валерия Брюсова к П. П. Перцову / Публ. Г. Лелевича // Печать и революция. 1926. № 7. С. 46). В письме к Иванову

* Подчеркнуто дважды.

** Кроме А. Р. М<инцловой>

тот же термин использовал С. К. Маковский: «Пущенное им <Кузминим> словечко „кларизм“ — метко характеризует его личную эволюцию и совпадает с одним из тех вечных идеалов искусства (ясность, простота), от которых, конечно, не может отказаться журнал, носящий имя „бога меры и строя“ <...> Но значит ли это, что „кларизм“ исчерпывает задачи литературы, хорошей литературы? С моей стороны было бы, во всяком случае, наивно прибегать к такому ненужному ригоризму» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 142). Что именно говорил Иванов по поводу «кларизма» в «Мусагете» в марте 1910 г., нам неизвестно (хотя, по-видимому, это отчасти восстанавливается из реплики Брюсова, приведенной выше), однако, судя по всему, там было нечто вроде сохранившейся в черновике отсылке к тексту статьи М. Кузмина, когда речь шла о парнасизме: «Легче и сильнее было выйти из заклтого круга „антитезы“ отречением от навыка заоблачных полетов и внеличных чувствований — капитуляцией перед наличной „данностью“ вещей. Этот процесс <...> приводит <...> в области собственно „поэзии“ — к „прекрасной ясности“ шлифовального и ювелирного мастерства» (см.: Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 207; в печатном тексте слова «прекрасной ясности» отсутствовали). В рецензии на «Жемчуга» термин «кларизм» Ивановым ни разу не употребляется, однако Эллис мог полагать, что для Иванова основанием для отнесения Гумилева к этому «направлению» служат слова: «Чего, чего не собрал он в кладовой своих парнасских „трофеев“!..» (Аполлон. 1910. № 7. С. 40. 2-я паг.). Но, во всяком случае, никакого «предательства» Гумилева, открыто защищавшего парнасизм, здесь обнаружить не удается.

³ Тема мистического рыцарства была в эти годы одной из основных для Эллиса. См., например, в его книге «Stigmata» (М., 1911) стихотворения «Рыцарь двойной звезды», «Тангейзер на турнире», «Черный рыцарь», «Белый рыцарь», «Братьям-рыцарям», «Темплиер» и др.

⁴ Многолетние отношения между Белым и Эллисом должны явиться предметом особого исследования (см., например: Письмо Андрея Белого к Эллису / Публ. А. В. Лаврова // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5. С. 386—398), но они всегда (до ссоры 1913 г.) отличались особой теплотой и близостью. Белый действительно не был приглашен в «Аполлон» специально, что, по всей видимости, не устраивало Иванова, однако было естественно для С. К. Маковского (см.: Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 143). Отметим два достаточно резких выпада М. Кузмина против Белого на страницах «Аполлона». Сперва в рецензии на «Ключья нервов» Н. Животова он так определил этого поэта: «...когда он прикасается к нашему времени, то подпадает невольно под влияние поэта также несколько косноязычного, именно Андрея Белого» (Аполлон. 1909. № 3. С. 47. 2-я паг.), — а затем в моментально попавшей в центр внимания статье «О прекрасной ясности» обмолвился: «Мы повредименли бы, однако, называть Андрея Белого, З. Гиппиус и А. Ремизова — стилистами» (Аполлон. 1910. № 4. С. 8. 1-я паг.).

⁵ Имеется в виду отзыв В. Г. Каратыгина о петербургских гастролях композитора и пианиста Николая Карловича Метнера (1879/80—1951): «Что говорить о Метнере? Я думаю, будет близко к истине, если сказать, что его концерт в общем разочаровал многих музыкантов. Мне лично многие вещи Метнера до последнего времени нравились. <...> Теперь же, когда я прослушал, и в очень интеллигентном исполнении самого автора, целый ряд его композиций, эта безжизненность, механичность творчества как-то еще острее режет мой душевный слух. Даже в лучших вещах Метнера <...> чувствуется скудость мелодического дарования, рассудочная искусственность многих технических приемов. В лучших вещах Метнер — лишь интересный эпигон Шумана и Брамса. В худших же вещах, как в „Дифирамбе“ Es-dur, автор доходит до геркулесовых столбов напыщенно-

сти, невыносимой ходульности, бессодержательной музыкальной риторики» (Каратыгин В. Г. Музыка в Петербурге // Аполлон. 1910. № 6. С. 20. 3-я паг.).

⁶ Ср.: «...есть основания сказать, что начиная с 1907 г. „Весы“ были столь же журналом Брюсова, как и Белого» (Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 120). В статье Чулкова Белый действительно не упомянут ни разу, однако вполне определенно заявлено: «Теперь я позволю себе сказать несколько слов о судьбах „Весов“ после 1906 года. <...> Злой жребий выпал на долю „Весов“ после 1906 года. По-видимому, утомленный кормчий бросил челн на произвол судьбы, и бедные юнги пустились в открытое море „без руля и без ветрил“» (Аполлон. 1910. № 7. С. 18. 1-я паг.).

⁷ См.: Брюсов Валерий. Об одном вопросе ритма: По поводу книги Андрея Белого «Символизм» // Аполлон. 1910. № 11. Однако следует отметить, что содержание этой статьи не отвечает характеристике, данной Эллисом. Поэтому, видимо, следует предположить, что замысел Брюсова реализован не был, поскольку он предпочел высказаться по сугубо теоретическим вопросам символистской эстетики в ответе Вяч. Иванову — статье «О „речи рабской“, в защиту поэзии», задуманной и написанной во второй половине июня и июле (подробнее см. в комментарии к письму С. К. Маковского к Вяч. Иванову: Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 158—160). Тогда полемика с Белым выглядела бы уже вторичной, и Брюсов предпочел откликнуться на его книгу стиховедческими размышлениями.

⁸ Имеется в виду отзыв Н. Гумилева о стихах Эллиса в девятом номере «Весов» за 1909 г.: «...странно видеть, что он, посягавший и на медный язык Данте, и на змеиную грацию Бодлера, дерзко защищавший от врагов, а подчас и от друзей, каноны символизма, в своих стихах оказался бледным, искусственным и попросту скучным. Он не думает словами и образами, как это делают поэты, он размышляет, как теоретик, и размышленья его направлены в область мистической и оккультной философии, безводной пустыни, где так редки цветущие оазисы. Но, не сознавая этого, он с наивностью гиперборейского символиста пишет о стигматах, терниях, язвах огня. Слова благоуханные в применении к Святому Себастьяну, Франциску Ассизскому, Бенедикту, но в применении к г. Эллису они несколько странны. И стигматы, и тернии — здесь отвлеченные, и символизм превращается в аллегоризм, так как идет не от реального к потустороннему, а наоборот. <...> Темы его стихов интересны, переживанья глубоки, но чтобы справиться с ними, нужен большой талант, а у г. Эллиса его нет» (Аполлон. 1909. № 3. С. 46. 2-я паг.).

⁹ Явное преувеличение Эллиса. Иванов никогда не играл (и, сколько мы знаем, не стремился играть) сколько-нибудь значительной роли в деятельности издательства «Мусaget».

¹⁰ Возможно, кроме личного поведения, описанного во вступлении, Эллис имеет здесь в виду свою рецензию на «По звездам» Иванова (Весы. 1909. № 8).

¹¹ Имеются в виду строки из стихотворения Гумилева «Портрет мужчины. (Картина в Лувре работы неизвестного)»: «На все сады Мадонны и Киприды / Не променяет он воспоминанья».

¹² А. Р. Минцлова (ок. 1865—1910?) — видная оккультистка, состоявшая в близкой дружбе с Ивановым на протяжении долгого времени. Подробнее см.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 23—110.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Николай Минский	
Одноактная пьеса Н. Минского «Он и Она». Предисловие, публикация и комментарии <u>Ю. К. Герасимова</u>	9
Владимир Гиппиус	
Проза Владимира Гиппиуса 1890-х гг. Предисловие и публикация <i>В. Н. Быстрова</i>	27
Вл. В. Гиппиус. О Блоке, что помню. Предисловие, публикация и комментарии <i>А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг</i>	44
Иван Коневской	
Из архива Ивана Коневского. Предисловие, публикация и комментарии <i>А. В. Лаврова</i>	81
Иван Коневской (Ореус). Стихотворная лирика в современной России	89
Из писем Ивана Коневского к друзьям	150
Виктор Гофман	
<i>А. В. Лавров</i> . Виктор Гофман: между Москвой и Петербургом	193
<i>Л. В. Гофман</i> . Биография Виктора Гофмана. Предисловие и публикация <i>А. В. Лаврова</i>	223
Письма <i>В. В. Гофмана</i> к <i>А. А. Шемшурину</i> . Предисловие, публикация и комментарии <i>А. В. Лаврова</i>	233
Эллис	
Эллис в «Весех». Предисловие, публикация и комментарии <i>А. В. Лаврова</i>	287
Эллис. Материалы для литературного манифеста	293
Эллис. Письма к <i>В. Я. Брюсову</i>	297
Эллис. Из творческого наследия. Предисловие и публикация <i>А. В. Лаврова</i>	328
Дневник 1905 г.	333
Канатный плясун	350
Духи лазури	370

Письма Эллиса к Вячеславу Иванову. <i>Предисловие, публикация и комментарии Н. А. Богомолова</i>	373
Воспоминания «фанатика и скептика». Эллис об Андрее Белом. <i>Предисловие, публикация и комментарии Дж. Малмстада</i>	385
Анастасия Чеботаревская	
Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской. <i>Предисловие, публикация и комментарии О. А. Кузнецовой</i>	411
Георгий Чулков	
Георгий Чулков. Откровенные мысли. <i>Предисловие, публикация и комментарии Н. Ю. Грякаловой</i>	457
Указатель имен	500

ПИСАТЕЛИ СИМВОЛИСТСКОГО КРУГА

Новые материалы

Редактор издательства *П. В. Ильин*
Художник *О. Г. Попов*
Технический редактор *А. И. Колодяжная*
Корректор *О. В. Махрова*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3850 — литература по филологическим наукам

Подписано к печати 25.06.03. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 35.
Тираж 800 экз. Заказ № 4356.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 235-15-86
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 5-86007-389-5

9 785860 073890